

Александр Андрюхин

НОЧНЫЕ ОГНИ

двенадцатая книга стихов

1995-1996

ГЛЯДЯ НА ОГНИ

На далекие глядя огни
и тасуя ушедшие дни,
понимаю, что смертных нас точит:
пребывая в грязи и крови,
человечество ищет любви,
ибо только любви оно хочет.

И стремится, и рвется лишь к ней:
пьет вино, становясь не пьяней,
жжет и лжет, становясь не счастливей,
убивает во имя богатств,
губит мир ради призрачных царств,
превращая небесное в иней.

Уж геройство не в радость ему
и полеты на Марс и Луну,
и прозренья на миг под иконой.
Лишь любви оно жаждет, любви.
В людях зло (такова се ля ви) —
стало быть, от отсутствия оной.

На заволжские глядя огни,
все шепчу я: «Господь, не гони
моих мыслей, что в муках рождались.
К свету тянутся дети твои
и нуждаются только в любви,
в остальном — никогда не нуждались».

ДАВАЙ ПОСВЯТИМ ЭТОТ ВЕЧЕР ЛЮБВИ

Давай посвятим этот вечер любви!
Пускай этот вечер не канет бездарно:
зашторимся, свечи зажжем элитарно,
отключим весь бред, что несет «Ай-ти-ви»,
наполним бокалы, поставим Корелли,
запремся на ключ, чтобы души горели.

Поверь, дорогая, что только любовь
на смысл и прощение право имеет.
Пускай за окном все мертвецки немеет,
пускай же все в пыль рассыпается вновь.
Поверь, дорогая, все клеточки плоти
вопят о душе на пронзительной ноте.

Пора о душе нам подумать и кровь
свою разогреть в суете идиотской.
Любовь не бывает ни горней, ни плотской,
любовь — это, милая, только любовь.
Она лишь, она этой жизнью играет,
все прочее, что вне ее, умирает.

Любовью играй и с любовью шали!
Пускай нас уносит куда-то с потоком:
к беспечности, к вечности, к первоистокам,
откуда когда-то мы, в общем, пришли.
Откуда, когда-то... Зачем? Непонятно.
О том лишь любовь рассказать может внятно.

Когда мы для жизни воскреснем иной,
для новых желаний и нового круга,
то вряд ли при встрече узнаем друг друга,
но дух, он почувствует запах родной,
и руки узнают в сиянии белом
то самое, что называли мы телом.

ЗА ОКНОМ

А за окном опять стреляют.
Зачем стреляют? Непонятно.
То объяснить не могут внятно
ни депутаты, ни менты.
Зачем? К чему? Какие в этом
сокрыты страшные стихии?
Что делают молодцы лихие
под покрывалом темноты?

А мы привыкли, что стреляют,
хотя войны не объявляли,
но допускаю, что каналы
ведут подпольную войну.
Должно быть, очень ненавидит
народ наш кто-то за породу
и все за что-то мстит народу,
и ставит прошлое в вину.

А мы со страхом и нуждою
смирились тихо, по овечьи,
привыкнув к трупам и увечьям
и отупев от взглядов злых.
И потускнели наши души,
и притупилась в них тревога,
и мы забыли, что от Бога,
а что от нелюдей земных.

А мы забыли, что на свете
жила когда-то справедливость
и были гордость и стыдливость,
и не лилась ручьями кровь,
и что раскаяния слезы
куда важней хваленых баксов.
Мы правды черпаем из факсов,
а правда только — где любовь.

ВЕСНА

Была весна, и пыль на тротуарах
была воздушней пуха в будуарах,
точнее праха в каменных гробах.
И те гробы в мозгах моих с весною
не сочетались. С майской новизною
все та же пыль хрустела на зубах.

Я улыбался встречным, поперечным,
трамваям и машинам бесконечным,
вздымавшим пыль и застилавшим синь.
Я знал, что пыль — продукт метеоритов,
как жизнь в пыли — явление синклитов,
и я пылинкой был в толпе разинь.

Не возражал я, словом, против пыли:
мы тоже пыль и пылью вечно были,
дышали пылью и росли в пыли,
и в перспективе также будем пылью
витать над новой выдуманной былью
в какой-нибудь немислимой дали.

И что есть пыль, что быть с весенним садом?
А жизнь — есть сон (но чей?) под вечным градом
метеоритов, что не знают сна.
Мы были прахом, станем тем же прахом,
все в пыль уйдет, окончится все крахом.
Но это мелочь. Главное — весна.

ДАВАЙ ЗАПУСТИМ ЗМЕЯ

Сыну

Давай запустим змея,
давай его запустим!
Пускай над головою
журавликом летит.
Пускай рожденный ползать
побудет в шкуре птицы,
пускай хоть раз оттуда
на землю поглядит.

Пускай себе трепещет
от воздуха и ветра,
пускай не только чревом
окинет этот свет.

Пускай рожденный гадом
вовек не будет Гудом,
пускай рожденный в прахе
считает все за бред.

Пускай рожденный в глине
уйдет обратно в глину,
пускай рожденный слизнем
благословляет слизь.

Давай запустим змея
и нить его отпустим!
Кто помышлял о вышнем,
того подхватит высь.

НЕ ПРОКЛИНАЮ ВРЕМЕНИ

Не проклиная времени, а зря,
не озираюсь зло по сторонам.
Я благодарен, честно говоря,
бесстыжим, подлым нашим временам.

Теперь я знаю истину в нужде
и знаю ценность истинную благ,
и кто каков в застолье и беде,
и кто мне друг — не друг, и кто мне враг.

Теперь я знаю, что вокруг почем,
кто будет сыт, кто бит, а кто гоним,
и кто что стоит, и стоит на чем,
и мы на чем стоим, и что таим.

Теперь я знаю, что беречь и впредь
куда идти, с кем греться над костром,
кого любить, с кем пить, кого презреть,
кто справедлив, а кто гадлив нутром.

Я благодарен ветру, что хлебнуть
мне дал свою расхристанную злость.
Чтоб в людях распознать собачью суть,
им, безусловно, бросить нужно кость.

БЫТЬ ПОЭТОМ

В теперешнее время быть поэтом,
что отщепенцем лагерным. И в этом
трагедия народов, что генсекам
доверили прощение грехов.
Вокруг нужда, вражда, тоска и проза,
в глазу бревно, на языке заноза,
и соловей молчит, и вянет роза,
когда в нужде, то разве до стихов?

Когда в нужде, какие могут речи
высокопарно сыпаться под свечи?
Не рифмовать я пробовал, но легче
мне застрелиться, чтоб не ведать боль.
О гнусный век, где места нет пиитам,
но место есть лгунам, вора́м, спиритам,
мошенникам, убийцам и бандитам,
пред коими заискивает голь.

И пусть нельзя, нельзя уже стихами,
но не могу не сыпать не стихами.
Я только музе предан с потрохами,
все остальное мне — минутный «пшик!»
Как говорил Гоген, наверно, можно
к нужде привыкнуть, хоть и будет сложно,
смеяться можно над нуждой безбожно,
но заведет твой ум она в тупик.

В тупик, в рудник, в барак, в Гулаг, в болото,
где дух махры, портянок, запах пота,
но я живу с мечтою идиота
свободным быть от нужд и от натуг.
И пусть нельзя, нельзя уже стихами,
но каждый день встаю я с петухами,
чтоб очищать пространство, как духами,
рифмованными мыслями вокруг.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Реальность виртуальная скучна
как всякая реальность. Только смуту
она внесет, забавив на минуту,
и вновь искать какого-то рожна
начнешь, подозревая, что душа
сама не смыслит в этом ни шиша.

Что есть она, реальность: сердца пыл,
иль зримый мир, что трогаешь руками?
Я в кулаке мечту держал веками,
но просыпался, и не помнил, был
ли вправду в тех пространствах и мирах,
где личность не реальнее, чем прах.

Не скучно, верно, только молодым.
Едва познаешь мир, уже зеваешь.
И проклиная быт, предполагаешь,
что все вокруг иллюзии и дым.
И постоянства нет. И все течет.
И то реально, что еще влечет.

ЛЮБОВЬ

Так грустно ты махала из окна,
что я забыл себя и вспомнил Шелли,
подумав в ту минуту, неужели
померкнут нынче солнце и луна?

И мы с тобой расстанемся, и звать
забудем как друг друга мимолетом,
и снова по мирам чужим и тропам
начнем с печалью лунною плутать.

Так целый день твой грустный видя взгляд,
я чувствовал, как сердце холодело,
и не было с утра важнее дела,
чем на такси лететь к тебе назад.

И проклинать умы, чьих мыслей нить
сводилась лишь к бытийности надменной.
А смысл один, пожалуй, во вселенной:
среди хаоса друг друга находить.

Из сотен тысяч жизней, что прожил,
всего в одной усвоил, как весталка:
что не имеешь — потерять не жалко,
но растеряешь все, чем дорожил.

ФИЛОСОФИЯ

Улдису

Философия, брат, привилегия сытых, а мы
целый век в нищете, и куда от нее нам деваться?
Зарекись от сумы, от тюрьмы, от властителя тьмы,
от нее, несмотря ни на что, не рискуй зарекаться.

Если взял ты перо, то считай, всей душой возлюбил
эту книжную мудрость, что выше богатств и желаний.
И не важно, кем был ты, а важно, что час твой пробил
ощутить свою суть в невесомой среде мирозданий.

Философия, брат, осмеет все, чему ты служил,
обесценит порывы и смелет в муку идеалы,
ты презришь, что ценил, что берег и чем некогда жил,
а теперь лишь устало подводишь к причинам анналы.

Мудрость выше страстей и значительней всяких услад,
но она (как бы это сказать) на начальном этапе.
Доброта — вот конечная цель философии, брат,
и не важно, в чем к Богу придешь ты: в рванье или в драпе.

БЕРЕГОМ

Я по волжскому берегу, берегу сонному брел,
обретая все то, что уже я когда-то обрел,
натываясь на камни времен мелового периода,
как бы в знак, что он был тот период, что книги не лгут.
Тут ревел океан, а теперь лишь в палатках режут
молодые девицы, познавшие истину Ирода.

Я по дну океана бродил, точно боль бередил,
ворошил свои думы и что-то в мечтах городил.
Был я сам под пятою у времени с местною Эддаю.
И меня, как казалось, уж ставило время в расчет.
Я до греков знавал, что все, в общем, куда-то течет,
лишь не ведал куда, и сейчас не особенно ведаю.

Только это не важно, а важно — осмыслен ли мир,
что течет бесконечно из звезд бессловесных и дыр?
Да и так ли существенно, если все в мире осмысленно?
Лишь любовь осветит вереницу бессмысленных дней.
Неужели любовь столько стоит руин и камней,
столько крови и слез, и того, что в камнях перечислено?

Столько боли, лишений... забвенья народов и стран...
Ведь, эпоху спустя, также будет таскать океан
с равнодушьем своим наши кости песком перемытые.
Наплывала волна на горячие ноги мои,
погашая, как свечи, мои безвозвратные дни,
воскрешая в поволжском тумане эпохи забытые.

Я по берегу брел, словно заново жизнь начинал,
узнавая все то, что когда-то давно уже знал,
обрастая пространствами, словно могильными плитами.
Пребывая на дне, я осваивал дно, как во сне,
и летели моторки и чайки бесились во мне,
и волна наплывала на берег, звеня белемнитами.

УТРОМ

Проснулся, вздрогнул, ужаснулся:

какая тишь вокруг меня,
как будто снова окунулся
я в мир без света и огня.

Ничто не тикает над ухом
и не щебечет за окном,
как будто стены стали пухом,
а люди стали вечным сном.

О Боже, в прежнем настоящем
так было (только все не впрок) —
летел я в космосе свистящем
и был смертельно одинок.

На все пустое мирозданье
я был один в промозглой мгле,
и звездам не было названья,
и не было названья мне.

И я взмолился: «Боже Правый,
хоть иллюзорно как-нибудь,
дай мне познать себя оравой
и ощутить иную суть».

Я подбежал в поту к окошку:
суровый дворник дворик скреб,
и пес гонял по скверу кошку,
и папу вел в детсадик клоп,
и не трубил никто тревогу,
и всюду радость и комфорт.
Все показалось, слава Богу!
Приснится же такое...Черт!

ПОНИМАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

О как тесна трехкомнатная наша
хрущевка не хрустального убранства.
Не заслужили, видимо, мы даже
с тобою чуть просторнее пространства.

Здесь даже мысль, и та не в лучшем виде
при потолках в два метра, в стенах узких.
Все в тесноте извечной, да в обиде
на старых дураков и новых русских.

Напрасно уголок искать укромный,
на кухне, в ванной, если свистнет лира.
Но не прилично кажется огромной
без сына наша скромная квартира.

Огромной и нелепой в этих серых
застенках, больше склонных к укоризне.
И понимаешь, дело не в размерах
пространства, а в напичканной в нем жизни.

ПЕРЕД СНОМ

За род людской пытаюсь, как халдей,
молиться, но молитва застревает
в гортани, и рассудок понимает
всю бесполезность здоровья людей.
Всю бесполезность в облегченье их
суровой доли с воплями и кровью.
Кто не тянул ярмо свое с любовью,
тому не ведать тайн небесных сих.
В блаженстве люди век не обретут
все то, что постигается терпеньем.
Земная боль соседствует с прозреньем,
а волю выхолащивает труд.
Нужда рождает горний мир идей,
а в счастье — ни порывов, ни движенья.
Страданья, униженья и лишенья
сговорчивыми делают людей.
Предполагаю, что и Отче наш,
и Тьмы Властитель делают умело
одно и то же праведное дело
для блага нас, обожествлявших блажь.
Да, все идет как надо! И стара
о рае песнь с халявными хлебами.
Кто никогда не скрежетал зубами,
тот не оценит Царствия Добра.
Все понимаю. Вижу эту связь.
Но не могу ни сердцем, ни наружно
добру и злу внимать я равнодушно
и засыпаю с болью, не молясь.

ПОДЫХАЮ ОТ ТОСКИ

Подыхаю от тоски,
от тоски я подыхаю:
не тружусь, не отдыхаю,
не беру себя в тиски.
Удаляюсь я в пески,
хоронюсь в тенетах зданий,
и мечтаю от скитаний
умереть, чем от тоски.

Тупо тру свои виски,
морщу лоб, чешу затылок,
засыпаю средь бутылок,
рву рассудок на куски.
Уплываю, как ладья,
дни свои дроблю на числа,
но опять не вижу смысла
в этом сонме бытия.

Нету смысла! Не дано
нам познать его с лихвою,
ни с любовью, ни с хулою,
ни с весельем под вино.
И тоска опять меж строк
проступает ближе к ночи,
и предчувствую... а впрочем
чувство ложь, но в нем намек.

Чувство ложь, рассудок ложь —
от рассудка подыхаю,
желчь коплю и небо хаю,
погибаю ни за грош.
Волком вою на луну,
сонной немощью объятый,
словно дико виноватый:
«Люди, где же вы, ау!»

«Люди, где же вы?» — кричу,
зубы скалю Диогеном,
вены режу автогеном,
жгу за здоровье свечу.
Воском каплет на мозги —
как зарница полыхаю.
Поглядите, подыхаю,
подыхаю от тоски!

Подыхаю от тоски,
от тоски по человеку,
армянину, немцу, греку,
все равно какой страны!
Привстаю я на носки,
предлагаю на распятые,
да откликнитесь же, братья,
хоть с какой-нибудь луны!

ЗА ГЕРКУЛЕСОВЫМИ СТОЛПАМИ

Ветры, ветры, что вы, ветры,
над полярным вьетесь кругом?
Ледяные гладит гетры
Роберт Пири — злой упрямец.
Он на полюсе быть первым
хочет, дух сломив недугом.
Ветры в танце кружат нервном,
льдов разглаживая глянец.

Ветры, ветры, сколько, ветры,
злбно будете метаться,
проклинать земные недра,
разжигать тревогу в муках.
Кто ведь только не пытался
до оси земной добраться.
И на кой им, смертным, сдался
этот полюс в льдах и вьюгах?

Но когда-то под закатом
здесь разгуливали Боги,
и врата сверкали золотом,
что вели в чертог небесный.
Только смертные ногами
истоптали Божьи тоги.
Чтобы вровень встать с Богами
нужно ад пройти телесный.

Вот зачем теперь здесь ветры
превращают ноги в гири,
сантиметры в километры...
и свистят, и льдины лачут.
Только зря к своим Минервам
ты стремишься, Роберт Пири, —
у земной оси быть первым
ничего еще не значит.

Ничего еще не значит
в лед вгрызаться, замерзая,
скрежетать зубами, клячей
воз тащить не очень пылко.
Да поймешь ли, Роберт Пири,
в ось земную флаг вонзая,
что быть первым в этом мире —
в мире горнем лишь ухмылка.

СНЕГОПАД

Когда так сыплет, даже в чудо
поверишь вдруг и в прочий вздор.
Куда-то вел из неоткуда
троллейбус заспанный шофер.
Куда? Зачем? Полнейший ребус.
Когда так сыплет, свет не мил.
Но женщина вошла в троллейбус,
мужчина место уступил.
В его глазах давно ненастно,
в ее лице нездешний свет.
Он улыбнулся очень ясно,
она поправила берет.
«Кто вы в малиновом берете?» —
спросил он мысленно не в лад.
Она забыла о билете,
когда почувствовала взгляд.
«Вот наконец-то вас я встретил!» —
мужчина выдохнул в лицо.
У ней рубин на пальце светел,
и у него блестит кольцо.
Но чувствам требуется малость,
чтоб замер дух у пояска.
В его глазах была усталость,
в ее глазах была тоска.
А за окном пейзажи плыли,
но взгляд шептал его, пленя:
«Что не расскажите, как жили
все это время без меня?»

«Жила... — ответила безмолвно. —
Жила-была, тебя ждала...
И было блекло, безлюбовно.
Плохие, в общем-то, дела».
Вздыхнул мужчина осторожно,
смутилась женщина на треть.
Когда так сыплет, невозможно
о чем-то большем сожалеть.
Когда так сыплет, жизни мало,
что, в общем-то, не удалась.
— Вы не выходите? — сказала
она и с места поднялась.
Сказав, потупилась, запнулась.
Чудес не любят на Земле.
Сошла, пошла, не оглянулась,
чтоб сгнуться в снежной этой мгле.
Чтоб жизнь просеять через сито
и распылить, как этот снег.
Троллейбус тронулся сердито.
Куда? Зачем? Не знать вовек.

ПЕРСОНАЖИ

Теперь не стремлюсь я куда-то с ветрами,
теперь мне не так одиноко на свете:
со мной мои грезы, что стали мирами,
со мной мои вирши, что стали как дети.
Со мной персонажи моих повестушек —
сильны, веселы, рассудительны, строги.
Я сроду не жил ради медных полушек
и ноги сбивал ради той же дороги.
Из терний земных выбирал что длиннее,
надумывал спутников, скинув манжеты, —
и каждый был ярче, и каждый умнее
их автора, что заключил их в сюжеты.
Теперь уж своей (о, Святая Мария!)
живут они жизнью простой и привычной.
Они так втянулись в нее, что умри я —
ничто не изменится в жизни их личной.
Я выйду на улицу в ночь, в непогоду,
дождейки покатаются зябко за ворот.
Но те, кого создал я небу в угоду,
должно быть, уже заслужили свой город.
Теперь я в тоске не хожу на дорогу,
теперь умирать как бы даже не страшно.
Когда возвращусь к одинокому Богу,
за них попрошу. Остальное — не важно.

И ВСЕ-ТАКИ СОЛНЦЕ

1

Уверен тиран, что он самый нетленный,
что с правдой и судит и вержит.
Он думает, скипетр держит вселенной,
но крышку от гроба он держит.

Уверен министр, что он Янус двуликий,
но песнь его также отпета.
Уверен поэт, что он самый великий,
но черви съедят и поэта.

Уверен богач в своем диком везенье,
но в воз запряжен он, как мерин.
Уверен глупец в своем личном значенье,
мудрец же ни в чем не уверен.

Пророки уверены, что за пороки
разверзнутся воды и земли,
но солнце назавтра взойдет на востоке,
о прочем — с сомнением внемлю.

2

Тираны на тронах, холопы в коронах,
на лицах глупцов паутина.
От зверств даже лики черны на иконах,
светило же невозмутимо.

На Землю глядеть можно только с тоскою —
все глупо, жестоко, порочно.
Не верится мне в восхождение людское,
но солнце взойдет — это точно.

Взойдет и осветит: бураны ли вьюжат,
луга ли бескрайне дымятся.
Как нелюди бомбами Землю не рушат,
до солнца им век не добраться.

Руины, развалины... пахнет горелым...
от ужаса челюсти сводит.
Но Лорка смог выкрикнуть перед расстрелом:
— И все-таки солнце восходит!

Тираны умрут, и воздастся тиранам,
забудут их шлемы и кудри,
а солнце как прежде разумным баранам
назавтра напомнит об утре.

По-прежнему мир будет скучен и скверен,
из смертных качать будет соки.
А впрочем, не знаю... В одном лишь уверен
что солнце взойдет на востоке.

БЕССМЫСЛИЦА ЖИЗНИ

По утрам просыпаюсь с единственной целью любить,
но, когда выхожу из подъезда и вижу трамваи,
закопченные трубы, торчащие ржавые сваи,
почему-то теряю любви шелковистую нить.
Я еще улыбаюсь проходим, желая добра
каждой встречной собаке в репьях с ненасытной утробой.
Но вдыхаю бульварную пыль с растворенною злобой,
и себе изрекаю с ухмылкой: «Пора, брат, пора...»
Ой, пора мне, пора возвращаться, садится за стол,
чтоб отслеживать судьбы народов, эпох и людишек,
двигать звезды, планеты, миры наподобие фишек,
но пихаю в трамвай я себя, раскаленный, как тол.
Тесно, тесно мне, тесно в коробке железной лететь,
тесно в теле, в одежде, в толпе, исходящей от «порно»,
только мыслям рифмованным в этом пространстве просторно,
но кому здесь нужно их пустая звенящая медь?
Я давлюсь и дивлюсь, и готовлюсь вступить уже в бой
с этой яростью, грубостью, давкой, разящей лекарством,
с этой дикой страной, континентом, заоблачным царством,
и со всем мирозданием, в смертельном раздоре с собой.
А потом начинаю рождение свое проклинать
и бессмыслицу жизни, и высь, что полощется в луже,
и любовь, что внутри, но ненужную, в общем, снаружи,
и стремление к истине, что никогда не познать.
По утрам просыпаюсь и чувствую, что не удел:
не выходит великой любви ни вчера, ни сегодня.
Ведь на все, как известно, суровая воля Господня.
Если б воля моя — сотню лет бы в квартире сидел.

НА ПРИЧАЛЕ

Это вовсе не мой, дорогая, причал,
на котором торчу в ожиданье начал,
в ожиданье любви, дорогая.
Не милы мне ни волны, ни тишь, ни песок,
ни ветра, что вздыхают и бьются в висок,
ни суда, что проходят мигая.

Простирается лунная рябь по реке,
только нет ни единой души вдалеке,
да и сзади сравнительно пусто.
Здесь не в радость ни слава, ни блеск эполет,
ни девицы, с улыбкой смотрящие вслед,
не родившийся вновь Заратустра.

Тут я всеми забыт, тут я вечный изгой,
и никто не влечет и не машет рукой,
и не ждет здесь никто без билета.
Позови же, родная, — сорвусь, полечу!
Я способен на все, и мне все по плечу.
Позови же меня на край света!

Или лучше за край самой трудной тропой,
лишь бы только не здесь, лишь бы только с тобой,
а споткнусь — поднимусь неваляшкой.
Столько лет одиноко на пирсе торчу
и гляжу на луну, и глазами верчу,
и скрываю тоску под тельняшкой.

Позови меня, милая, в новую даль!
Я нуждаюсь в любви, как и всякая тварь,
и во всем, что давалось в начале,
что касалось ласк, и касалось рук,
что на плечи кладут, как спасательный круг,
чтобы выплыть из этой печали.

НЕ ПЛАЧЬ, МОЯ МАМА

Свинцовое утро, и ветер с дождем,
трехлетний сижу я на шее у мамы.
На нашем пути лишь канавы и ямы,
и большего в жизни мы с мамой не ждем.

Вдоль берега тащимся, плещется язь,
круги на воде, под ногами трясина.
Детсад черти где! Ни трамвай, ни дрезина
не ходят... Туда лишь пешком через грязь.

И чмокают боты на все голоса,
и дождь не щадит, и ничуть не светает,
и мама плетется, и слезы глотает,
и я утираю ей сверху глаза.

Не плачь, моя мама, не надо не плачь!
В лишениях небесная скрыта награда.
Не всем же в князья! Ведь кому-то и надо
месить эту грязь наподобие кляч.

Наивная мама... Под ветер и снег
поймешь ли, что грязь под ногами всего лишь
пустая условность, которую смоешь,
а в помыслах грязь не отмолишь вовек.

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Уже год длится эта война,
что ложится на души позором.
Наблюдаю унылым я взором,
как все больше в ней вязнет страна.

И как будто никто убивать
не стремится под медные трубы,
но кругом только трупы и трупы,
и на Бога грешно уповать.

Что убогим нам ждять впереди:
кровь и слезы, и ложь всех каналов?
Эта бодрость тупых генералов
Убивает надежды в груди.

Бюллетени по урнам сую,
Но, как прежде, не вижу просвета.
Кто заплатит по счету за это,
Чем платить за убогость свою?

УНЫНЬЕ

Унынье побороть
пытаюсь в эту осень.
Что носит эту плоть?
Ведь вправду что-то носит.
Любовь и боль утрат!
Ведь там за облаками
любовь земная вряд
ли признана богами.
Устал душой болеть,
вот новый день мой прожит.
Жизнь может замереть,
но умереть не может.
Жизнь может миновать,
но кончиться — едва ли.
Опять зовут страдать
распахнутые дали.
Унынье пронесет.
Но прежнее веселье
вернется ль из пустот
безделья и похмелья?
Еще дрожит струна,
но тише год от года.
Унылая страна.
Унылая природа.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Давно страстей не ведаю в груди,
порывистости ветреной и звонкой.
Размеренный покой с улыбкой тонкой
мне стал путеводителем в пути.
Размеренный покой мое чутье
звериное смолот, как в кофемолке.
Ведь не случайно я рожден на Волге
с рассудочным течением ее.
Желал страстей бы я — иной страны
избрал бы земли, высь и звезд свеченье,
где кровь кипит, где горных рек теченье
игристо, быстро, но без глубины.
Я не желаю быть у них в плену.
Они всегда слепы, людские страсти.
Страстями постигают похоть власти,
рассудком постигают глубину.
А глубина в неспешности, и вне
огня, восторгов, срывов и надрывов.
Вот почему я вдаль гляжу с обрывов,
а не гарцую с шашкой на коне.
Вот почему мне тишь и соловьи
милы, и слабость к этим незабудкам
питаю, и дружу, скорей, с рассудком,
чем с тем огнем, что плещется в крови.

А В ЭТУ ЗИМУ

А в эту зиму умер Левитанский,
а следом Бродский умер так внезапно.
Брожу и грежу сиротой казанской
и в облаках высматриваю пятна,
что души их пробили. Верно, где-то
еще летают над землей крылато
два милых сердцу моему поэта.
Прощайте, может, встретимся когда-то!
А снег вьюжит, запутывая в сети
сердца из тряпок, души из металла.
Нет сиротливей новости на свете
про то, что их бессмертие настало.
Что ощутил я? Неуют телесный,
печаль в груди, допитые бутылки?
Да нет же, нет же! Просто свод небесный
стал тяжелее на моем затылке.
Вот и ушли, должно быть, все изведав:
всю сладость рифм и пот земного хлеба.
Когда уйдет последний из поэтов,
кому, Господь, держать доверишь небо?

ВСЕ ЭТО БЫЛО

Еще костер не прогорел
и не погасли
большие искры-летуны,
и не иссякли
шалые мысли в голове,
и нужно снова
брести куда-то на заре,
и все не ново.
Ни что не ново, боже мой,
все это было:
и эти звезды, и костер,
и в небе искры,
и путь тернистый на заре,
что спущен свыше.
Я проходил его сто раз
и даже тыщу.
Все та же даль передо мной
и те же нивы.
Гори-гори, ночной костер,
рождай порывы!
Ни что не ново. Но душа
все так же с болью
трепещет, стонет и грустит,
томясь любовью.

ПРОГУЛКА

Эх, по березовой рощице
утром на лыжах промчаться бы!
Небо в окошке полощется.
Скучно сидеть с домочадцами.
Ноги мои не обгетрены,
морда, естественно, заспана.
Пасмурно, сыро и ветрено.
Ветрено, сыро и пасмурно.
Где бубенцы перезвонные,
сани и кони залетные?
Каркают вороны сонные,
скулы исходят зевотою.
Кто там хмельной и всклокоченный
то в телогрейке, то в кителе?
Это мой край заболоченный.
Очи его бы не видели.
Сколько до снега до талого
несть еще скуки и ропота?
Много ли, Господи, мало ли?
Много ли, мало ли — толку-то?
Сколько бы ни было пройдено,
век для сынов ты скаредная,
о моя бедная Родина,
о моя Родина бедная.
Бедная, сирая, скверная,
с грустью своею кабацкою.
Зря я задумал наверное
эту прогулку дурацкую.

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

- Примешь пятую рюмку, душа?
- Я приму. Только примет ли глотка?
- Глотка примет. Но кончилась водка,
и в кармане моем ни шиша.
- Что же спрашивал, раз без гроша?
- Да, хотел с точки зрения зелья
я познать свою степень веселья
и твою ненасытность, душа.
- Это ложь! Ты не то полагал:
души будят не огненной влагой.
Их питают умом и отвагой.
- Да, конечно. Прости! Я солгал.
- Что ты хочешь тогда от меня,
заливая водярой мой пламень?
- Лишь один на душе моей камень:
что есть ты, а точнее, кто я?
- Ты всего лишь сосуд без огня,
в коем «я» начинается с глотки.
Пустота вечно требует водки.
Требуй меч со щитом и коня!
- Не советуй! Зачем укорять
тем, что жило в груди моей пылкой.
Кстати, тащится кто-то с бутылкой.
Примешь рюмку?
- Да как не принять?

МЕЧТА

Порой и я назвать «Рашой»
хочу мой край пустой и сирый.
Мне надоело быть душой —
хочу быть мышцей неделимой!
Хочу стальную под пальто
скрывать я мощь и в крупных дозах
хочу держать в ладонях то,
что держат в розовых лишь грезах.
Я обескровлен от потерь,
я зол и бледен от гордыни.
Я сыт эфиром. И теперь
хочу земной вкусить твердыни.
Познать всю правду кулаков,
объятий ложь и зуд телесный,
хочу забыть всех дураков,
что в шелухе живут словесной.
Хочу воскликнуть я: «Плачу
за всех от Питера до Рима!»
Я мышцей, мышцей быть хочу —
она, по крайней мере, зрима.
И всем ветрам больную грудь
хочу подставить за утраты.
Ограблю банк я как-нибудь
и улечу навеки в Штаты.

СКУЧНО

Осень, шорох тополиный,
клин на небе журавлиный,
лист валится, дым клубится,
солнце плавает в пыли.
Журавли в своем полете.
Что так грустно вы поете?
«Что так скучно вы живете?» —
спросят сверху журавли.

А скорей всего не спросят.
Журавлей моих уносит
в край, где косы на кокосы
лемурийский точит люд.
Скука, мука, тленья знаки.
На бескрылье даже раки
не свистят и вянут злаки —
сны да рифмы, труд и блуд.

Клин не вышибить мне клином
тем, небесным, журавлиным.
Хворь да скука, Кали-юга
сонно свищет у виска.
Что ответить на бескрылье
вам, хмельная эскадрилья:
«Это русское унынье,
это русская тоска».

В ширь распахнутая дверца.
Клин вонзается под сердце.
Лист валится, дым клубится,
воздух сине-голубой.
Ввысь мальчишки пальцы тычут,
где крылатые курлычут —
то ли стонут, то ли кличут
в край кокосов за собой.

СУДЬБА

Возможно, что ни Рима, ни Парижа
я не увижу в бытности постылой,
и вряд ли на снегу альпийском лыжа
оставит след мой рыхлый и унылый.

Возможно ни строки моей, ни фото
в журнале толстом не узрит читатель,
возможно, что из этого болота
не выберусь вовеки, как мечтатель.

Возможно, дети жизнь мою осудят
без радостей особых и скитаний,
возможно, славы никогда не будет,
а также денег, встреч и расставаний.

Возможно, что сгнию, состарив тело,
всю жизнь склонивши голову над лампой,
наивно полагая, что я дело
большое делал, что зовется «амбой».

И только в небо полоснуть дуплетом
способен я, сболтнув под рифму что-то.
Моя судьба сидеть в болоте этом.
Кому-то надо осушать болото.

ЖИТЬ В СТРАХЕ

Жить в страхе с гильотиной над планетой,
должно быть, так и нужно в жизни этой.
Всегда я ждал каких-то катастроф.
Не помню их истоки и анналы —
больные сны, научные журналы,
пустые слухи, пыль священных строф?

В семидесятых ждал землетрясений,
затем каких-то космопотрясений,
в восьмидесятом мрачно ждал войну,
комету ждал (уж не припомню дату),
ждал за людские помыслы расплату,
все ждал и ждал и чувствовал вину.

Но лгали кулуарные пророки —
ничто, нигде в назначенные сроки
масштабно не смывало, не трясло.
Год проходил, за ним другой, а люди
живут, как жили: водку пьют и блудят,
и их несет, куда всегда несло.

Но каждый год опять витают слухи:
«Конец уж близок, думайте о духе...»
Скорей бы уж! Но сознаю в тоске,
что эта горемычная планета
всю жизнь свою ждала кончину света,
вися на самом тонком волоске.

И тут я понял смысл земного страха:
не слиться бы (как с кровью слилась плаха)
нам с чертовой материей. Ведь плыть
нам предстоит потом без тетки Геи.
Мы люди лишь материи лакеи —
Господь велит нам господами быть.

ВСЕ В ПРОШЛОМ ГЛУПО

Эдуарду Балашову

Но оглянуться нас заставят годы.
А за спиной лишь войны. И народы
с немым упорством топчут этот свет.
Все в прошлом глухо, глупо и жестоко:
то в лапах сатаны, то в лапах рока,
а Божьего Суда все нет и нет.

А суд людской продажен от природы,
народы топчут свет, и ждут народы
кого-то свыше, кто опустит плеть.
Прости, Господь, что люди так нелепы!
Народы топчут свет, а значит слепы,
но дай надежду как-нибудь прозреть.

Прости, Господь, что души губим в злате!
Народы топчут свет, который, кстати,
сложнее запятнать, чем ухватить.
Жизнь перемелет все, переиначит,
народы топчут свет, а это значит...
а это значит — учатся ходить.

Прости же нас, хулящих и юлящих,
пропащих и оружием звенящих,
завистливых, невежественных, злых!
Прости нас темных, сонных, горемычных,
неисправимых и несимпатичных,
трусливых, блудных, жадных и дрянных!

Прости нас, неразумных, ибо разум
в страданиях прозревает, и не разом
а миллиарды долгих трудных лет.
А свет, как зайчик солнечный, который
ни затоптать ни ордами, ни сворой,
всегда он чист, как Лик Господня, свет.

НА ТУРБАЗЕ

Скучаю, Боже, как скучаю
в забытом богом уголке,
где лишь коты приходят к чаю
да комары на потолке.

Я канул, Боже мой, я канул,
я затерялся на земле.
Дожди, зевота, дно стакана
да муха сонная в вине.

Все канет, Боже мой, все канет,
сотрется в пыль и ляжет ниц.
Душа гниет, рассудок вянет
без ослепительных девиц,

без собутыльников веселых,
без остроумнейших коллег.
В глухих, тоскливых, русских селах
веселья не было вовек.

Дожди, зевота. Год от года
все горше думы под вино.
Я, словно камень, брошен в воду,
откуда выплыть не дано.

ХОЧУ СПРОСИТЬ

Отважный и веселый,
веселый и отважный,
безденежный, вальяжный,
не сонный не больной
по Астрахани-граду
бродил я безмятежно,
и был я жутко молод
и от того хмельной.

И облачен я в форму
морскую был, и ветер
мой гюйс срывал, и клеши
трепал под хруст галет.
И все-то было ладно,
прекрасно, романтично,
и юные мерзавки
поглядывали вслед.

И был со мной дружище,
мечтатель и вздыхатель
по девочке какой-то,
не помню уж какой.
А от причалов сонных
отчаливали боты,
и борзые морячки
махали нам рукой.

И нам хотелось тоже
отчалить. Но куда же?
Без разницы в какую
земли бескрайней часть.
И все-то мы мечтали,
и все стремились в дамки,
и все лепили замки,
а вляпывались в грязь.

И все-то от грядущих
от странствий трепетало,
и в сердце вера в счастье
жила, да умерла.
Легко тогда мы жили,
легко дрались, мерились,
дружили и глушили
«Анапу» из горла.

Куда все подевалось?
Где жизнь в груди унылой,
что некогда хлестала
как из брандспойта? И
хочу спросить, дружище,
хоть знаю, что не слышишь:
«Мы все порастеряли,
а что приобрели?»

СЕРЕДИНА

1

Черта той середины моего
пути земного как-то раз настигла
меня на остановке у скамьи,
где тщетно ждал я в сумерках трамвая.
Но он не шел, трамвай, и все кругом
нелепым было, мертвым и постылым,
как будто время для чего-то вдруг
свой фанатичный ход остановило.
Я вверх взглянул: на небе без числа
сияли звезды, лик луны холодный
глядел в упор насмешливо, и вдруг
я испытал подобие прозренья.
В глазах померкло: Боже мой, все зря,
утраты, боль, стремленья и лишенья —
не так я жил, и дорожил не тем,
возясь в земле впотьмах, подобно червю.

2

И я побрел куда-то. Но куда?
Куда глаза глядели, и под сердцем
свербело с тихой грустью: Вот те на!
Прошло полжизни, Боже мой, полжизни.
Вокруг безлюдно. Улицы пусты,
как будто город вымер. Только лунный
я на себе испытывал зрачок

и неземную грусть в груди тщедушной.
Не помню, в общем, сколько я прошел,
но помню, что внезапно очутился
на берегу незнакомом и пустом
у моря без названия и края.
Я вдаль взглянул — и не увидел даль,
я ввысь взглянул — куда-то звезды делись,
и лунный диск исчез, и все вокруг
померкло как-то разом и притихло.

3

Уж я хотел взмолиться и упасть
лицом в песок, но под скалой внезапно
вдруг разглядел большой старинный бриг
и кэпа у руля с седой бородкой.
Он улыбнулся с палубы, тот кэп:
— Не для тебя кораблик сей, дружище.
Тебе придется вплавь. Переплывешь —
познаешь свет совсем иных реалий.
— А если нет? — спросил я, — что тогда?
— Тогда известно что: навеки сгинешь.
Он снова улыбнулся и взглянул
в ту даль морскую из свинца и бездны.
— Я что, скончался? — ужаснулся я.
— Тут нет таких понятий, как скончался,
и смерть от слова «смерить». Ты готов
свой путь прошедший смерить Млечной меркой?

4

— О нет, конечно! Тысячу раз нет! —
вскричал я дико, — Ибо и не жил-то
еще я толком: не тонул в страстях,
не таял от любви, и не купался
в лучах я славы, и еще не сох
от жажды возжеления, и скуки
я не познал властителей земных,
и не нажил ни смысла, ни богатства,
и дома не построил, и куста
еще не посадил, и от скитаний
смертельно не устал, и от ума
я горя не познал, и даже мудрость
великих не впитал, да и грехов
не нахлебался, спущенных мне свыше.
Что попусту трепаться? Жизни сей
еще я не почувствовал и вкуса.

5

С минуту длилась тишина. А кэп
глядел в морскую даль, где туча с морем
собой представляли монолит
единый, серый, страшный и тоскливый.
«Неужто есть за ним какой-то свет, —
мелькнуло неожиданно, — неужто
есть силы у кого-то эту мглу
пробить башкой, барахтаясь в пучине?»

Он усмехнулся в бороду:

— Ну что ж,
уже одно похвально, что относишь
все то, что перечислил ты, к греху.
Жизнь без греха безвкусна и бесцветна.
Ведь в первой половине жизни мы
все делаем грехи, но существует
лишь для того вторая половина,
чтоб искупать их праведностью сонной.

6

И вдруг я понял, что Его здесь нет,
Он был со мною там, мой милый Отче,
а тут я предоставлен сам себе
на берегу, что край являет бездны.

— Так что за морем? Что за бездной той? —
пробормотал я тихо.

— Все узнаешь,
когда пучину вплавь переплывешь,
а если нет — то знать тебе не стоит.
Хотел я крикнуть: «Да пошел ты!» Но
заметил, что стою опять на той же
трамвайной остановке, и вдали
гремит трамвай в клубах бульварной пыли.
Я поднял взор: на небе лунный диск
сиял вовсю, и голубые звезды
мерцали, и в тумане Млечный Путь
был горней меркой жизни этой быстрой.

МУЖИЦКИЙ БУНТ

А вправду ли грядет мужицкий бунт,
«жестокий и бессмысленный»? Который
подначен водкой будет (вряд ли «колой»)
Взорвет он воздух, небо, вздыбит грунт.

И тех господ, ограбивших народ,
чьи ум и честь, и совесть так коротки,
уж не спасут оконные решетки,
когда во зле людской воспрянет сброд.

И чем мы жили — все сочтут за вздор,
один закон признают — волчьей своры.
Есть Божий Суд. Он ждет. Но есть и скорый
мужицкий бунт, что на расправу скор.

И вправду, что голодному терять
в своей норе над карточной колодой?
Ну, разве что, свободу. Но свободой
голодный не умеет управлять.

ДОЧКА

Когда дитя сопит в кроватке,
какая тишь царит над домом,
как будто в мире все в порядке,
как будто жизнь кровавым комом
не душит горло, и далеки
людские помыслы и страсти
и полемические склоки,
и политические власти.

Ведь, право, нет важнее дела
и выше в мире нет занятия,
чем дочка месячное тело
с любовью заключать в объятья.

Когда дитя сопит в квартире,
вокруг лишь ангелов витанье.
О как осмысленно все в мире,
какой порядок в мирозданье.

ПРОСВЕТ

Когда споткнусь и упаду,
не обвиню свою эпоху.
Не пожалею ни на кроху,
что жил и видел темноту.
Что брел, задумчивость творя,
на ощупь, как и все пииты,
и были фонари разбиты,
и было мне до фонаря.
Иной не ведаю беды,
чем человеческая слепость,
не говорю: она нелепость,
и не бегу от темноты.
Тут мыслить мало, кто горазд,
и светом тут никто не бредит,
но лишь кулак, что в глаз заедет,
на миг просвет какой-то даст.
Пускай хоть он оставит след.
Когда же мне засветят лично,
я отнесусь философично —
спасибо хоть за этот свет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Но, слава Богу, праздники прошли,
и можно вновь сидеть в себе, как в юрте.
И можно вновь беседовать со Шри
Шримадом, Оригеном, Кришнамурти.

И снова рыться в книгах, корешки
с почтеньем гладить, точно статуй скульпы.
Я был в отгуле, милые дружки,
точней — в академическом загуле.

И пусть я пьяный, сонный и тупой,
но возвратился все же восвояси.
И вновь могу я быть самим собой,
и примыкать к любой небесной расе.

И вновь могу я не вести бесед
с гостями, подливая водку в рюмки,
не слушать вздор, не обсуждать газет
и не искать платки им, туфли, сумки.

Все разошлись. Покой и тишина
опять царят в разгромленной квартире:
надсадный воздух, сонная жена,
тлетворный дух разлит в уснувшем мире.

Но все проходит, даже в сердце боль,
тем паче боль проходит головная.

— Ну, как сыграл я праздничную роль
«в натуре чувака», моя родная?

Дас ист антракт! И снова на своя
все круги возвращается в коросте.
И я (который вовсе был не я,
а тот, кого хотели видеть гости)

опять начнет подумывать, кем быть
наутро в этом будничном пространстве?
Чем жить, кем слыть, о чем в стихах трубить,
в чем утонуть: в молитвах или в пьянстве?

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я выйду победителем из боя,
потрепанный, с расквашенной губою,
израненный, но с гордой головой.
И кто знавал меня, иль мельком видел,
и кто любил меня, иль ненавидел —
признают все викторию за мной.

Признают все столичные писаки,
что оправдал я имя, и от драки
не увильнул и не склонил венца,
что интересам шкурным не поддался
и толстосумым гадам не продался,
и был я музам предан до конца.

Я выйду победителем! А значит,
что напорочит рок и напортачит,
изящным слогом все сведу на нет.
Бьюсь за грядущее, вбиваю клинья...
В грядущем нет уныния. Унынье —
дитя несостоявшихся надежд.

Долой унынье, господа! Точите
ножи, кинжалы, шпаги. И учтите,
бой будет долгий, жаркий, но благой!
Как обронил поэт, сомкнув ресницы:
«И вечный бой, покой нам только снится»,
а мне не снится даже и покой.

Я бился, бьюсь и вечно биться буду
за все надежды, веры и за груды
порывов, и за свет на образах,
за все родное, милое, святое,
за божество, что вечно под пятою,
за горний блеск в осмысленных глазах.

ПОД ЛУННЫЙ СВЕТ

Шум ветра, лунный свет,
остывшее кострище.
Семь бед — один ответ:
лей полную, дружище!
Лей полную! Тоска.
Тоска в родной Отчизне.
Как пули у виска
просвистывают жизни.
Без грез живем и роз,
живем — как воз волочем.
Народ и груб, и бос,
и Отче наш как отчим.
Безрадостно мы пьем,
безрадостно пьянеем.
Все более плюем,
гнием, смердим и тлеем.
Безрадостен наш путь,
нам будто радость в тягость.
Мечтаю лишь уснуть,
глотаю эту гадость.
Шум ветра, лунный свет,
плывет по речке лодка.
На свете счастья нет,
но есть тоска и водка.
Так лей, дружище, лей:
что теплится — остудим.
Уснем до лучших дней.
Как говорится: будем!

ПИСЬМО

Прошу простить меня великодушно,
что ваш покой нарушил я полночный.
Без вас тревожно, пусто мне и скучно,
печаль царит в веселья час урочный.
Но обронил мудрец еще в начале,
что вырастает радость из печали.

Я вас не знал и ныне вас не знаю,
зеваю равнодушно, точно немец.
Свои печали зерна засеваю,
и глух к чужим печалям, как пришелец.
Я весь уж там, в грядущем, как ни вздорно,
где проросли моих колосьев зерна.

Я ваш слуга, а вы мой добрый ангел.
Прошу простить за жалобы и вялость.
Как можно меньше грежу на бумаге,
чтоб не тащить в сей мир свою усталость.
И без меня все выдохлись от злобы
в спасении лишь собственной утробы.

Но повелось уж так от первой ночи
точить на ближних не мечи, так косы,
когда несносно — ввысь таращить очи,
когда терпимо — зреть не дальше носа.
И только вы, мой ангел, надо мною
мне не даете пылью стать земною.

В КОМАНДИРОВКЕ

Когда я в журналистской роли
качу уныло по губернии,
то не могу смотреть без боли
на эти нищие деревни.
О эти домики у речки
доисторической эпохи,
гнилые ставенки, крылечки,
бабульки на последнем вздохе.
О эти баньки и скворешни,
о эти ветхие халупы!
Должно быть, здорово мы грешны,
должно быть, здорово мы глупы.
В подобных селах лишь отрадно
жить упырям да лешим местным.
Как ты, Отчизна, не громадна,
 всю жизнь в крестьянских избах тесно.
Как ты, Отчизна, не богата,
с рукой простертой постоянно.
Твоя спина века горбата,
твоя сила века окаянна.
Твоя душа в заморских свищах,
и сердце в коликах от стонов.
Да сколько шлаться будешь в нищих
и клясть начальство и масонов?

КАК ВСЕГДА

Брел по лесу с корзиной я в поисках белых грибов,
или менее белых, какие бывают на свете.

Но, увы, не везло: мне судьба посылала на лоб
лишь одни паутинки, из мыслей плетя моих сети.

На безрыбье и зонтик орел среди елей и лип,
только зонтиков нет, а всех рыжиков черви поели.
О не страшен тот червь, что вгрызается зубками в гриб,
страшен червь, жрущий нас, под лесные улады и ели.

Кто ходил до меня, тем, наверное, больше везло.
Кто за мною пойдет, что отыщет в чащобах манящих?
Я не в праве решать, что добро в этом мире, что зло,
что кому предстоит отмахать и найти в этих чащах.

Я не вправе мутить и будить этот сонный эфир.
Я не в праве желать равноправия, братства, единства.
Вот поганки, три штуки, три шанса в неведомый мир
провалиться, но дальше побрел я, убив любопытство.

Провалиться успею, успею еще среди гробов
и червей насладиться растлением, с хищностью пумы.
Брел по лесу с корзиной я в поисках белых грибов,
а набрел, как всегда, на свои невеселые думы.

ТОЛЬКО СКОРОТАТЬ

Я от Тархан скучал недалеко
км за 200 на одно турбазе.
Был август, и дожди, как на Кавказе,
семь раз на дню бросались на стекло.

Душа молчала, и на ум мне шло,
что не мешало съездить бы в Тарханы,
но пустота вползла в мои карманы,
и в картах как назло мне не везло.

Безденежье — болезнь, как ни крути.
Я наблюдал за публикой ленивой,
что вечерами под плакучей ивой
любила лузгать семечки свои.

За этим людом, с коим не знаком,
я наблюдал с улыбкой идиота,
все больше пьющей, чем поющей что-то
в беседке под гармонь с массовиком.

С утра зарядка, завтрак и опять
по стеклам дождь бездомно барабанит.
Но грибников грибы хотя бы манят,
а что поэтов манит? Не понять.

Ведь грибникам-то что, они с утра
плащи накинут и корзины в руки

возьмут сурово, и проклятой скуки
не будут знать до смертного одра.

Зачем я тут, к чему, на чьих правах?
За что мне эта тягостная мука?
О, этим миром правят дождь и скука,
да бестарханье в сонных головах.

Куда ни глянь, кругом дождей стена.
...Душа молчала, ум в Тарханы рвался.
Но мой порыв, увы, не стыковался
с возможностями, коим грош цена.

Я книгу раскрывал и на кровать
валился, в рот запихивая финик.
Я не грибник, о нет. Я тихий лирик.
Мне только срок земной бы скоротать.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

А с утра на пляже пусто
и песок не столь горяч:
целлофан катает с хрустом,
да разгуливает грач.
Только что в роскошных ивах
на песке с седой травой?
Средь курортников ленивых
не встречал я таковой.
Чья хорошенькая ножка
тут оставила свой след?
Что за фея, что за крошка
излучала лунный свет?
И задумчиво бродила,
нежно губку закусив.
И луна в лицо светила,
и вздыхал прибрежный див.
Ах, с утра довольно мило:
свод прозрачен и высок,
и волна еще не смыла
этих милых юных ног.
Загребу песок руками,
в речке блесков без числа.
Бросить что ли с мужиками
по ночам хлестать в козла.

ЕСЛИ Б ЗНАЛ

Доедаю последний сухарь,
допиваю последнюю воду
и несытую снова свободу
выбираю, как небо звонарь.
Суету отдираю от плеч,
очищаю рассудок от бредней.
Вот уж чиркаю спичкой последней,
чтоб мост свой единственный сжечь.
Затопчу головешку костра,
без улыбки окину окрестность:
впереди, как всегда, неизвестность,
позади ни кола, ни двора.
Ни жены, ни семьи, ни на треть
пониманья от чистого сердца,
ни пространства, где можно согреться,
ни любвишки, чтоб душу согреть.
Выхожу на развилку дорог,
приготовившись к бедам и бою,
и опять остаюсь сам с собою,
и опять на весь мир одинок.
Кто я? Что я? (Сжимаю кулак)
Что под сердцем ношу за поклажу?
И куда все стремлюсь я, куда же?
Если б знал, разве рвался бы так.

ВЗГЛЯД В ГРЯДУЩЕЕ

Уже кончается столетие,
тысячелетие кончается,
период, эра и какая-то
эпоха сверху у Богов.

Ах, все кончается во времени,
но не пытаюсь я отчаяться.

Гляжу в грядущее без ужаса
из глубины своих веков.

Когда-то нужно и заканчивать
что было начато невеждами,
тем паче, что течет во времени
в грязи, в крови, в поту по грудь.
Гляжу на прошлое задумчиво,
гляжу в грядущее с надеждами
и все хочу, хочу задуматься
над тем, каков прошли мы путь?

Что обрели во имя Господа,
что потеряли ради истины,
кем были, стали кем и стоит ли
впрягаться снова в этот плуг?
Все счастья ждали и не ведали,
что ждать бессмысленно, что в общем-то
имеем то, что в душах вынесли
и заслужили среди мук.

Так и должно быть! Все кончается.
Но за концом маячит новое.
Каким бы ни была, приветствую,
эпоха новая, тебя!
Себя питаю я надеждами,
что сокровенное останется,
просеется сквозь сито времени,
о новых бедах протрубя.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛЯДЯ НА ОГНИ.....3
ДАВАЙ ПОСВЯТИМ ЭТОТ ВЕЧЕР ЛЮБВИ.....4
ЗА ОКНОМ.....6
ВЕСНА.....8
ДАВАЙ ЗАПУСТИМ ЗМЕЯ.....9
НЕ ПРОКЛИНАЮ ВРЕМЕНИ.....10
БЫТЬ ПОЭТОМ.....11
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....13
ЛЮБОВЬ.....14
ФИЛОСОФИЯ.....15
БЕРЕГОМ.....16
УТРОМ.....18
ПОНИМАНИЕ ПРОСТРАНСТВА.....19
ПЕРЕД СНОМ.....20
ПОДЫХАЮ ОТ ТОСКИ.....21
ЗА ГЕРКУЛЕСОВМИ СТОЛПАМИ.....23
СНЕГОПАД.....25
ПЕРСОНАЖИ.....27
И ВСЕ-ТАКИ СОЛНЦЕ.....28
БЕССМЫСЛИЦА ЖИЗНИ.....30
НА ПРИЧАЛЕ.....31
НЕ ПЛАЧЬ, МОЯ МАМА.....33
ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА.....34
УНЫНЬЕ.....35
ПУТЕВОДИТЕЛЬ.....36
А В ЭТУ ЗИМУ.....37
ВСЕ ЭТО БЫЛО.....38
ПРОГУЛКА.....39

РАЗГОВОР С ДУШОЙ.....	40
МЕЧТА.....	41
СКУЧНО.....	42
СУДЬБА.....	44
ЖИТЬ В СТРАХЕ.....	45
ВСЕ В ПРОШЛОМ ГЛУПО.....	47
В ДЕРЕВНЕ.....	49
ХОЧУ СПРОСИТЬ.....	50
СЕРЕДИНА.....	52
МУЖИЦКИЙ БУНТ.....	56
ДОЧКА.....	57
ПРОСВЕТ.....	58
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	59
ПОБЕДИТЕЛЬ.....	61
ПОД ЛУННЫЙ СВЕТ.....	63
ПИСЬМО.....	64
КАК ВСЕГДА.....	66
ТОЛЬКО СКОРОТАТЬ.....	67
СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ.....	69
ЕСЛИ Б ЗНАЛ.....	70
ВЗГЛЯД В ГРЯДУЩЕЕ.....	71